

永生企業

CORPUS
AETERNUM
OMNIA
VINCIT

PROJECT
IKARUS

// completed //

THE
CONGLOMERATE
OF
IMMORTALITY

18+

Ana Sam

Конгломерат бессмертия

<https://litres.ru/74315634>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мириадах огней неоновом мегаполисе, где человек стоит дешевле контракта на чужие воспоминания, работает Хаято Миязаки — охотник за теми, кто украл себе бессмертие, превратившись в чудовище. Его прошлое — это не усталость, а шрам, с каждой новой жертвой он всё ближе оказывается к поистине личному кошмару: своему отцу, потерявшему себя в погоне за чужой жизнью. В сером мире памяти и боли возможно ли спасти хоть каплю настоящего? Или всё давно стало товаром на черном рынке вечности?

Содержание

Глава 1. Ночной заказ	4
Глава 2. Тонкая рыбья кость	10
Глава 3. Метка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ana Sam

Конгломерат бессмертия

Глава 1. Ночной заказ

Токийские катакомбы — это не миф, а реальность для тех, кто зарабатывает на крови. Когда город ищет забвения в неоне, смердящих лужах и разлагающемся мусоре у подножия стальных небоскрёбов, настоящая жизнь бьёт ключом там, где никто не осмелится признаться, что был: во дворах, на задворках, в щелях, где толстеют крысы и исчезают люди.

Хаято Миязаки не был святым, но он помнил все свои грехи поимённо. Это помогало держаться на плаву. День начинался в ресторане сашими на красных улицах — до полудня там резали тунца и лосося, после полуночи туда заходили другие клиенты, чьи интересы ограничивались не только едой. Смена закончилась после двух: Хаято шёл домой пешком, минуя костлявых проституток, сонных рэкетиоров, мелких дилеров и тех, кто вечно прячется в тенях.

Той ночью смена закончилась раньше — телефон завибрировал коротко, адрес не подписан, но он узнал почерк. Комиссия. Никто из сотрудников не называл её вслух, но все знали: это государство внутри государства, самозаточенная клика людей, для кого закон — лишь прикрытие. Для кого

деньги — не валюта, а память.

В файле был только адрес: причал 17, портовая зона, три часа ночи. Там — цель.

Смыть кровь с рук всегда сложнее, чем кажется. Даже после трёх летней работы руками, даже после сотни отмытых кухонь, даже после десятка ночных убийств, кровь въедается в кожу. У Спящего Доканара — так его прозвали местные за постоянную сутулость и нарочитую медлительность — не было ни семьи, ни родины. Он не интересовался, куда уходит его прошлое: среди коллег знали только, что у каждого есть призрак. У Хаято призрак был реальный и живой. Его отец.

Слёзы родители Хаято не умели. Отец был немногословен, жесток в быту, но воспитание сына счёл военной кампанией: никакой жалости, только выживание. До поры до времени — до тех самых пор, пока не стало ясно: мир меняется быстрее, чем память. Память теперь была товаром.

Ночной порт жил по собственным законам. Здесь даже чайки звучали не как птицы, а как взмах резака по голой плоти. Воняло водорослями, бензином, мочой, гниением. Здесь те, кто переборщил с памятью — фрагментированные — становились чудовищами, винтиками на черном рынке. Приставка придавала цене небольшой бонус — ведь таким охотникам, как Хаято, комиссия платила больше. Иногда — больше, чем за убийство целого гангстерского притона.

Сегодня цель была одна — особо опасный, проворовавший фрагменты у картеля и добавивший себе несколько де-

сятков чужих воспоминаний: навыки боя, рефлексy, историю убийств других людей. Описание дрожало у Хаято под рёбрами — потому что имя было старо как его страхи.

Отец. В последние годы они не виделись. После того, как мать умерла, отец спился, затем бесследно исчез. Сначала пошли слухи — кто-то видел его у нелегальных торговцев жизнью, потом — ни звука. Но адрес, указанный в заказе, был не случайностью. Комиссия знала всё. Даже больше, чем сам Хаято.

Темнее всего было у склада с выбитыми окнами. Лужа нависала над асфальтом. Окна отражали неон красного и зеленого, как рана и яд в одном углу улицы. Он надел перчатки до запястья, закрепил на поясе клинок — не пышный мечете, а тонкий, почти хирургический нож с гравировкой на ручке: Не забывай. Отцовский подарок, купленный когда-то на маленьком магазинчике Ямато, когда ещё всё было просто. Теперь всё было сложно.

У доков стоял силуэт. Высокий. С годами сутулость ушла, вместо неё появилось что-то новое — сверхъестественная прямая осанка. Лицо на долю секунды показалось знакомым, но черты обострились, движения стали рваными, как у человека, который не до конца уверен, что принадлежит самому себе.

Хаято не подал виду. Подошёл на расстояние десяти шагов, бросая взгляд по сторонам — свидетели? Камеры? Нет, только мальчишка, лет двенадцати, притаился между кон-

тейнером и мусорным баком. Уличные пацаны знают, чьих теней нужно бояться, но иногда инстинкт подводит.

— Ты меня узнал, — прохрипел отец. — Я не искал встречи, — коротко отрезал Хаято, — но пришёл.

За спиной — химический запах канализации. В нагрудном кармане — плоский, острый предмет: карта члена Комиссии, пропуск во все адские трощи городских трущоб.

— Зачем тебе это? — шаг вперёд. В глазах отца бешеная тревожность, дрожащая смесь тоски и чего-то ещё, будто половина мыслей не его, а шепчут издалека.

— Я не хотел быть больше никем, — вздох был тяжелый, будто легкие слиплись внутри груди. — Только не стариком, раздавленным своим прошлым.

Отец перешёл на полушёпот, но каждый звук будто бы касался черепа Хаято холодными пальцами.

— Хватит, — Хаято наклонился, клинок у ноги. — Если уйдёшь сейчас, у тебя есть шанс остаться человеком.

Смех отца был коротким, колючим. — Какой шанс? Вон там, — он мотнул головой на мальчика, — у его матери забрали память о детстве за полбутылки водки. А я просто хотел быть собой. Просто... больше жить. Он сделал шаг к Хаято. — Ты ведь знаешь, что такое искать себя по кускам, сынок? Ощущать — тут не своё тело, тут чужой страх, тут чья-то радость, которую ты вообще не просил?

Каждое слово лезло под кожу, словно скальпель.

— Делать себя из того, что оставили другие, — прибор-

мотал отец, — не так уж и страшно, если ты давно никому не нужен. Последняя фраза обращалась уже к самому себе. Хаято шагнул навстречу — коротко, резко, нож дрогнул в руке.

В этот момент мальчишка судорожно вскрикнул. Отец развернулся к свидетелю — в глазах блеснула голодная жестокость, тянущаяся из чужих фрагментов.

— Не трогай его! — голос Хаято был хриплым рыком. Отец вздохнул, почти улыбнулся. — Здесь слабым не место.

В два прыжка он оказался у мальчишки: движения неестественно быстрые, плавные, причудливые, какой не бывает у человека без лишних воспоминаний. Хаято метнулся за ним, в воздухе мелькнул острый стилет, запахло свежим мясом и страхом.

Отец подсёк мальчишку, держа того за горло. — Прости меня, сын, — промолвил он тихо, — но я хочу жить. Даже чужой жизнью.

Мальчик захрипел, забарахтался, глаза вылезли из орбит. Хаято приблизился вплотную, сцепил руки в замок и повернул нож — клинок пробил одежду отца чуть выше почки, вошёл внутрь под острым углом.

Секунда — и кровь фонтаном брызнула на асфальт. Отец осел, мальчишка вывалился из его хватки.

— Ты не понимаешь... — задыхаясь, пытался прошептать отец.

— Я всё понимаю, — голос Хаято не дрогнул. — Просто иногда нужно заканчивать.

Отец скользнул по стене и осел на колени, закрывая руками разрастающееся пятно крови. В глазах мелькнул ужас, облегчение, что-то детское — и исчезло. Конвульсия, отрывистое дыхание, последний спазм.

Тишина доков нарушалась только редкими криками чаек да отдалённым воем сирен: кто-то, должно быть, вызвал полицию.

Мальчик пополз к стене, дрожащий, но живой.

Хаято вытер лезвие о тряпку, что валялась тут же, и только теперь увидел, что это старый детсадовский фартук — такие продавали до сих пор на рынках возле вокзала. Ещё одна чужая память, растворённая в грязи.

Вдалеке загорелись огни патруля. Время уходить.

Хаято бросил последний взгляд на отца. Тело уже начало стекать кровью, но на лице — ни вины, ни раскаяния. Была усталость, глубокая, как древнее море.

Он подошёл к мальчишке, кинул ему пачку влажных салфеток из собственного кармана.

— Домой дойдёшь?

Тот молча кивнул, по щекам у него текли крупные, нестыдные слёзы.

— Забудь, что видел, — Хаято понизил голос. — Не связывайся с такими, как я. У живых тут мало будущего.

Потом исчез в темноте, растворяясь среди теней, как призрак: навсегда связанный с ночным городом так же, как кровь — с асфальтом.

Глава 2. Тонкая рыбья кость

Ночной город сползал с вековечным дождём к рассвету, когда Хаято шагнул в свой второй, честный мир — «Сато», ресторан сашими на три улицы от старого вокзала. Здесь всё должно было быть проще: вода кипит, рис липнет к рукам, холод рыбы не даёт проснуться с утра до вечера. Но сегодня сон не приснился — мозг даже не пытался забыться; острые, как ножи для фугу, воспоминания впивались под рёбра, и он чувствовал себя не поваром, а героем ночного бреда.

На «Сато» пахло белым рисом, рисовым уксусом и дешёвыми антисептиками. В витрине — живой лангуст, с голубыми клешнями, нетерпеливо шевелящийся в мутноватой воде.

Утро начиналось стандартно: первая партия льда, ящик свежих ласковых морских окуней, замороженные сердца креветок. Хаято откидывал крышку контейнера, и тяжесть ночи врезалась в плечи тупой болью. Даже его коллега Дайсуке, ровесник и весёлый шутник, остановился, посмотрел долгим взглядом поверх толстых очков.

— Ты будто всю ночь бегал марафон, — хмыкнул он. — Или шинковал кого-то не рыбой.

Хаято не улыбнулся. Старался резать филе максимально равномерно, ладони работали автоматически — как будто чужие руки, в которых застряли слишком опасные навыки.

Смена длилась мучительно. Между визгом воды и шелестом ножей по разделочным доскам, Хаято пытался забыть, что ночь закончилась кровью родного человека. Никто не должен был это знать.

Он ушёл в кладовую, чтобы проветрить голову и не дать трясущимся пальцам выронить нож. В этот момент в зале зазвучал голос администратора:

— Вип-клиент. Особое обслуживание, от шефа — Хаято, нужна твоя рука.

Он вытер лоб, поднял глаза к блеклому потолку. Випами в «Сато» чаще всего становились политиканы из районного управления, силовики, иногда — кто-то на чёрном рынке памяти, ведь все знали, что лучший нарезчик сашими в квартале не задаёт вопросов.

В зале всё сразу стало тише. Клиент сидел спиной ко входу, длинный плащ сползал с плеч, руки нетерпеливо барабанили по пустой темной чаше. Лицо — строгое, белое, будто вырезанное из холодной бумаги. Взгляд скользил по залу — не любопытно, а словно фиксируя детали: выходы, острые предметы, зеркала над прилавками.

Ему, как и всем привилегированным, полагался омакосе — полное доверие мастеру. Хаято понёс на подносе миниатюрный сет: тончайшая тилапия, полоска мгновенно тающего тунца, немного жирной рыбы-луна, острей лайма на краю тарелки.

— Ты работаешь быстро, — произнёс клиент. Говорил на

чистом японском, но было в дикции что-то слишком отточенное, военное.

— В кухне главное темп, — коротко ответил Хаято, взгляд не встречался с его глазами, сосредоточившись на рыбе.

— Ты давно здесь? — продолжал гость тихо, как будто задал эту фразу условно.

Официантка принесла саке, выжидающе замерла рядом. Клиент на мгновение встретился взглядом с девушкой, и та быстро отошла, сжав ладони.

— Иногда ваши ножи режут не только рыбу, — продолжил мужчина, отведя взгляд к окну. — Говорят, только действительно хорошие повара умеют делать это молча.

Это не был вопрос. У Хаято побежал холод по спине.

— Люди много говорят, — тихо произнёс он, расставляя тарелки.

Мужчина кивнул. — Однажды я видел, как уличный торговец фугу улыбался, разделявая смертельно ядовитую рыбу. Говорят, тот, кто не боится своей работы, умеет умереть вместе с ней.

Хаято не повернул головы. Остриё ножа невидимо притопывал по доске. — Мы не боимся. Просто знаем, когда нужно остановиться.

Клиент долго смотрел прямо на него — слишком выжидательно; в каждом жесте читалась привычка к власти. — Не пытайся убежать от своего отражения, Миязаки-сан. Иногда

именно тени подсказывают правду быстрее, чем свет.

Он отпивает sake, оставляя на фарфоре масляный отпечаток губ.

— Спасибо за рыбу. Она, впрочем, всё равно когда-нибудь станет воспоминанием. Записка для повара осталась под тарелкой: бумажка свернута на манер амулета, с одиночным красным иероглифом — символом Комиссии.

Клиент уходит, не дождавшись сдачи.

В зале становится прохладнее, официантка смотрит с тревогой.

— Ты кого-то напугал, Хаято-кун, — шутит Дайсуке, но уже без искры в голосе.

Внутри остаётся только тяжёлое, липкое чувство, будто кто-то вот-вот перелистнёт страницу его жизни без спроса.

Глава 3. Метка

Вечерний «Сато» опустел быстрее обычного. Хаято задержался у мойки дольше, чем нужно — зачем-то перемывал ножи почти до зеркального блеска. Только в 23:47 он наконец вышел в тёмный переулок, где тусклый свет едва справлялся с влагой на тротуарах и голодными взглядами прохожих. Он двинулся в сторону своей квартиры — то ли на автопилоте, то ли подгоняемый подсознательным импульсом скрыться, слиться с потоком, раствориться.

С первых шагов он понял: за ним наблюдают. Не глазами — шевелением воздуха, тенью от рекламы на фасаде, коротким глухим эхом чужих каблучков, когда будто бы никого нет. Токио всегда полон глаз, но тот, кто умеет выживать, различает заинтересованность: любопытство жителей и намеренное слежение хищника различить несложно.

Он свернул вправо, вместо привычной дороги, поднялся на второй ярус паркинга и замер у железных дверей с трещинами ржавчины. Снизу проскользнула фигура в длинном плаще. Пятна света скользили по асфальту, а потом исчезли — только шаги, растворённые в трамвайном гуде, и красный отсвет неона.

Он пошёл дальше, ниже, как будто просто срезал дорогу. Не оглядывайся. Не показывай, что знаешь.

Возле ночной лавки он взял жевательную резинку, взгля-

дом поймал отражение — за витриной, среди бутылей газировки и коробок лапши маячила чужая тень: плечистый, с длинным лицом; взгляд намеренно прячется под кэпом.

Продавщица бросила неприязненное: — Ты опять привёл неприятности?

— Не я, — коротко бросил Хаято и быстро двинулся в сторону дома.

Холл его жилого комплекса пах кошками и студенческим супом. Лифт забился на третьем; по лестнице подниматься приходилось через тусклые коридоры с облупленной штукатуркой. Он тихо открыл дверь своей квартиры, снял ботинки, на секунду задержался у шкафа.

Все было вроде привычно: посуда смыта, вещи на местах, только окно чуть приоткрыто. Зачем? Он обычно оставляет запертой.

На столе лежала бумажная карточка, свернутая углом, а к ней — странная метка: пластиковая квадратная бирка, на ней едва заметная черная прямая черта и неразборчивый символ, похожий на иероглиф, но чуждый, исковерканный.

В тот момент, когда Хаято потянулся к бирке, он понял — это предупреждение. Не угроза, а вызов. В памяти всплыло движение из далёкой юности: отец обучал его смотреть на дверь, как на рентген — мелочи невозможно симитировать.

Он поднёс метку ближе к свету. Под светодиодом вырисовывалось изображение, знакомое до боли: темные волосы, в тени острое лицо, резкая черта губ. С подросткового воз-

раста Хаято хранил фотографию, почти стертую временем, где его отец был молодым и напоминал о корнях. Но этот портрет был не из архива — его стиль напоминал цифровую подделку, как будто кто-то нарочно воссоздал лицо его прошлого и вставил его здесь в знак узнавания.

Рядом едва видимый QR-код. Он быстро понял: это не просто знак — это приглашение или угроза. Его прошлое, его семья и работа больше не были отдельными мирами.

На полке завибрировал телефон, на экране высветился неизвестный номер. Только одна фраза: **"У тебя одна ночь. Мы встречаемся там, где живые забывают имена. Не подведи, Миязаки."**

Он посмотрел на метку, потом на окно — за ним витали дожди, чужие тени и таяканье уличных собак. Кто-то наконец пришёл за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.